

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.5.5>

Зельницкая (Шларба) Рица Шотовна

Эльбрусская экспедиция 1829 г.: этнический и историко-географический аспекты

Цель исследования - рассмотреть этнический и географический аспекты истории экспедиции генерала Г. А. Эммануэля на Эльбрус в 1829 г. В работе разбираются задачи и состав экспедиции, участие в ней коренного населения и дается описание проблем, с которыми сталкивались путешественники. На основании архивных документов и переписки в статье реконструируется маршрут этой военно-научной экспедиции, а также освещается вопрос этнической принадлежности первых документированных покорителей Эльбруса. Научная новизна работы заключается в детальном географическом анализе маршрута экспедиции. Автор приходит к выводу о том, что основной маршрут экспедиции проходил по территории Карачая и что в проводниках экспедиции были именно карачаевцы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/5/5.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 5. С. 28-33. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список источников

1. **Богданович М. И.** Походы Румянцева, Потемкина и Суворова в Турции [Электронный ресурс]. URL: <https://runivers.ru/lib/book8840/476561/> (дата обращения: 01.02.2020).
2. **Болотина Н. Ю.** Князь Потемкин. Герой эпохи Екатерины Великой. М.: Вече, 2006. 512 с.
3. **Брикнер А. Г.** Светлейший князь Потемкин-Таврический. М.: Эксмо, 2014. 288 с.
4. **Бутурлин Д. П.** Картина войн России с Турцией в царствование императрицы Екатерины II и императора Александра I [Электронный ресурс]. URL: <https://runivers.ru/lib/book7649/> (дата обращения: 01.02.2020).
5. **Гребенщикова Г. А.** Россия в системе международных отношений во второй половине XVIII в. // От царства к империи. Россия в системах международных отношений. Вторая половина XVI – начало XX века / отв. ред. И. С. Рыбаченок. М. – СПб.: Институт русской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015. С. 209-258.
6. **Елисеева О. И.** Екатерина Великая. Изд-е 2-е. М.: Молодая гвардия, 2013. 635 с.
7. **Ключевский В. О.** Русская история: полный курс лекций: в 2-х кн. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. Кн. 2. 800 с.
8. **Мальгин А. В.** Покоренье Крыма 1768-1774. Симферополь: СОНАТ, 2016. 176 с.
9. **Манифест Великой Императрицы Екатерины II о присоединении Крымского полуострова, острова Тамани с всей Кубанской стороны к России, 1783 год, 8 апреля** [Электронный ресурс]. URL: http://www.qrim.ru/about/docs/Manifest_Krim_Rossia (дата обращения: 01.02.2020).
10. **Павленко Н. И.** Екатерина Великая. Изд-е 3-е, перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. 509 с.
11. **Платонов С. Ф.** Полный курс лекций по русской истории. М.: АСТ; АСТ МОСКВА, 2008. 861 с.
12. **Тулаев П. В.** Судьба Русской Тавриды. История освоения Крыма от древности до нашего времени. М.: Вече, 2017. 430 с.
13. **Шишов А. В.** Великая Екатерина. М.: Книговек, 2011. 618 с.

Annexation of the Crimea by Catherine the Great as a Way of Solving the State's Historical Tasks in the Second Half of the XVIII Century

Zherebkin Mikhail Vasil'evich, Doctor in Political Sciences, Associate Professor
Humanities and Education Science (Branch) Academy of V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Yalta
m.zherebkin@mail.ru

The article presents an analysis of the reasons on account of which Catherine the Great made a decision to annex the Crimea in April of 1783. The author examines the circumstances under which Russia was objectively bound to access the Black Sea coast and annex the Crimean Peninsula that allowed establishing the southern border within its natural boundaries. The annexation of the Crimean Peninsula offered new opportunities of developing trade relations with Europe, as well as protecting the state in the south and increasing its prominence in the Black Sea region.

Key words and phrases: Catherine the Great; Grigory Potemkin; Crimean Khanate; Russo-Turkish wars; treaty of Kuchuk-Kainarji; treaty of Jassy.

УДК 93/94

Дата поступления рукописи: 16.03.2020

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.5.5>

Цель исследования – рассмотреть этнический и географический аспекты истории экспедиции генерала Г. А. Эммануэля на Эльбрус в 1829 г. В работе разбираются задачи и состав экспедиции, участие в ней коренного населения и дается описание проблем, с которыми сталкивались путешественники. На основании архивных документов и переписки в статье реконструируется маршрут этой военно-научной экспедиции, а также освещается вопрос этнической принадлежности первых документированных покорителей Эльбруса. **Научная новизна** работы заключается в детальном географическом анализе маршрута экспедиции. Автор приходит к **выводу** о том, что основной маршрут экспедиции проходил по территории Карачая и что в проводниках экспедиции были именно карачаевцы.

Ключевые слова и фразы: присоединение Карачая; Кавказская война; Северный Кавказ; черкесы; Эльбрусская экспедиция 1829 г.; Г. А. Эммануэль.

Зельницкая (Шларба) Рица Шотовна, к. ист. н.
Российский этнографический музей, г. Санкт-Петербург
riza81@yandex.ru

Эльбрусская экспедиция 1829 г.: этнический и историко-географический аспекты

Национальные противоречия на Северном Кавказе вызывают большой исследовательский интерес как прежде, так и сейчас. Эти противоречия можно все еще обнаружить на разных уровнях общественной жизни кавказских народов, соперничество между которыми в политической, экономической и сферах

продолжается до сих пор, и вопрос их разрешения в настоящее время остается *актуальным*. Данная статья написана, чтобы проанализировать один из самых интересных и спорных вопросов истории этого региона, возникший между представителями Кабарды и Карачая, а именно первенство в покорении Эльбруса. В связи с этим основными *задачами исследования* являются рассмотрение обстоятельств, в которых данная экспедиция была организована, а также краткое описание ее маршрута с учетом местной топографии. Одним из важных моментов исследования является изучение вопроса этнической принадлежности местных жителей, оказавших помощь экспедиции. Основным *методом*, использованным в исследовании, стал историко-описательный метод, позволивший детально проследить маршрут экспедиции и выявить данные, касающиеся этнической принадлежности местных жителей.

Теоретическая база. Несмотря на то, что тема первого покорителя Эльбруса является спорной, отдельных специальных научных исследований (статей и монографий), посвященных этому сюжету, практически нет. Единственная крупная работа на эту тему – «Первовосхождения на Эльбрус. Лето 1829 года, зима 1934 года», написанная И. А. Гориславским, С. А. Зюзиным и А. В. Хашировым, – является сборником выдержек из записок и дневников участников двух экспедиций без критического анализа источников и не может рассматриваться как вполне научная [2]. На данный момент существует единственная научная статья на эту тему, где экспедиция 1829 г. рассматривается в контексте истории военно-разведывательных операций русской армии на Кавказе [5].

Практическая значимость работы. Статья может быть использована при подготовке лекций по истории Северного Кавказа и может представлять интерес для специалистов в области истории покорения Кавказа и этнологов.

XIX век в истории народов Кавказа является одним из самых тяжелых периодов, т.к. там на протяжении десятилетий шла изнурительная Кавказская война (1817-1864) [6, с. 4-5]. Народы Северного Кавказа присоединились к Российской империи в разные времена. Эти присоединения, как правило, происходили после заключения мирных договоров между кавказскими народами и империями того времени, а именно Россией, Турцией и Ираном. В 1829 г. несмотря на то, что по условиям Адрианопольского мирного договора Северный Кавказ юридически отошел к Российской империи, он все еще оставался неподвластной для России территорией [1, с. 4].

Завоевание территории Северного Кавказа российскими войсками началось еще в XVIII веке со строительства укреплений, но власть империи здесь была шаткой. В горных районах о ней же вообще ничего не знали. В Карачае укрепления начинают появляться в первой половине XIX века, они вошли в историю как «карантинный забор». Эта цепь укреплений была возведена, дабы отрезать карачаевцев от контактов с соседями и привести их к покорности. Также она обеспечивала безопасность российских территорий. Дальнейший опыт показал, что такая стратегия все же не дает ощутимых результатов. Попытки генералов создать пространство войны не увенчались успехом. Командование все равно не могло угадать, с какой стороны горцы совершат следующее нападение [8, с. 21]. Выбранная тактика изоляции дала горцам возможность самим выбирать время для нападений. Безуспешными стали и крупномасштабные экспедиции, в ходе которых имперская армия теряла свою эффективность.

Следует обратить внимание на то, что уже тогда территория Карачая юридически считалась частью Российской империи. «Наравне с прочими народами карачаевцы состоят в управлении Российского начальства», – читаем в отчете Правительствующему Сенату. В 1822 г. генерал А. П. Ермолов, подозревая карачаевцев в помощи своим соседям против империи, называл их неприятелями и предлагал жестоко истреблять [1, с. 74-75].

Российская империя для достижения своей цели прибегала не только к военным действиям, но и, как типичная империя, вела политику «разделяй и властвуй», которая заключалась в поддержке кавказских элит. Данная концепция оказалась нежизнеспособной, т.к. большая часть князей и дворян, теряя свою власть над зависимыми крестьянами, отказывались от данной присяги. Кроме того, царское правительство использовало в своих целях существующие противоречия между народами, населяющими Кавказ.

Исследователи отмечают, что «до 20-х годов XIX века российский чиновнический аппарат был больше обеспокоен положением дел и укреплением своей власти в других крупных регионах Кавказа, а отдаленному, находящемуся далеко в горах маленькому Карачаю, уделялось очень мало внимания, хотя его жители и считались в числе подданных императора Всероссийского» [Там же, с. 80]. Вероятно, такое отношение к Карачаю было связано с тем, что, с одной стороны, эта территория была формально частью империи, с другой – карачаевцы не доставляли хлопот русской армии, а кроме того, они зависели от возможной экономической блокады со стороны имперских войск.

Интересным фактом является то, что отношение к царскому режиму и его политике среди карачаевцев было разным. Если имперским чиновникам удалось получить поддержку от представителей местных элитных фамилий, таких, как Крымшамхаловы и Дудовы, то религиозные деятели выступали против имперской политики. Одной из главных причин их недовольства было стремление со стороны империи «уменьшить и ограничить влияние духовенства на жизнь общества», а также объявить их и вовсе «вредным словом» [12, д. 138, л. 174-175, 246-246].

Чтобы ограничить влияние духовенства, в 1828 г. царское правительство начало запрещать ведение исламского судопроизводства по шариату. При проведении судебных разбирательств оно прибегало к нормам адата, что на деле оказалось непродуманным. Хотя имперские власти сохранили институт *мехеме*, в котором заседали эфенди и социальная элита, но сам этот орган управления был поставлен под контроль местного пристава. При этом был упущен тот факт, что эфенди экономически не зависел ни от местных жителей, ни от жалования царского правительства, т.к. он был совершенно автономен, имея свое собственное хозяйство, и поэтому его невозможно было контролировать, опираясь на службу приставов.

Несмотря на сложившуюся ситуацию в первой половине XIX века, российское командование все-таки продолжало вести войну против горцев Кавказа. К этому времени в силу вышеназванных причин Карачая оставался фактически самоуправляемой территорией. Зная, что они занимают выгодное положение, карачаевцы не стремились подчиняться империи. О том, как ведет себя российская армия, они знали от своих ближайших соседей [1, с. 99].

Обстановка на Северо-Западном Кавказе к тому времени постепенно накалялась. В результате политических игр между царским правительством и представителями местной элиты большая часть карачаевцев предпочла присягнуть Турции и обратиться к исламским инструментам власти. При этом карачаевцы решили «на будущее время руководствоваться во всех делах своих, общественных и частных, алкораном (т.е. Кораном. – Р. З.), оставив навсегда древние юридические обычаи... приняли духовных судей (кадиев) для производства суда» [Там же, с. 103].

Такая ситуация была крайне негативно воспринята царским правительством, и прибывший командующий войсками на Кавказской линии генерал Эммануэль потребовал от карачаевцев принести присягу России и выдать аманатов. Как показали дальнейшие события, это были «последние дни» независимости Карачая. Скоро карачаевцы стали обвиняться в нарушении договора о нейтралитете, в угоне казачьего скота и всячески притесняться [3, д. 749, л. 83-84], навсегда потеряв свою автономию.

Эммануэль, жаждущий непременно показать свои таланты военачальника, решил привести еще оставшихся независимыми карачаевцев к окончательному покорению. Ему было недостаточно той славы, которая у него есть, и он стремился к новым победам [4, с. 14]. Действия Эммануэля привели к покорению Карачая после Хасаукинского сражения, которое длилось всего один день, после чего карачаевский народ присягнул русскому императору 23 декабря 1828 г., подписав невыгодное мирное соглашение. Утешением же был пункт о том, что карачаевцы освобождались «от податей, хотя некоторые повинности по-прежнему оставались» [1, с. 113]. Так, они «обязывались предоставлять во время русских экспедиций только известное число конных, хорошо вооруженных всадников и давать подводы за условленную плату» [8, с. 337].

Вскоре после присоединения Карачая было совершено восхождение на Эльбрус. Это стало возможным только после кровопролитных боев, проложивших дорогу к самой высокой вершине Кавказа. После известных событий перед «российским командованием остро встала задача взять под контроль горные перевалы Приэльбрусья. Это был стратегически важный район, через который, минуя кордонные линии, воинственно настроенные горцы попадали в пределы Кавказского фронта» [5, с. 47-48].

Генерал Эммануэль был одним из главных сторонников восхождения на Эльбрус, он тщательно подготовился к «задуманной экспедиции, отобрав специальные военные подразделения, среди которых были 2-ая и 7-ая роты, 43-ий егерский полк и 9-ая мушкетерская рота Крымского полка, две сотни Моздокского и полусотня Хоперского и Волжского казачьих полков и два горных единорога» [11, с. 167].

Кроме того, для удовлетворения своих амбиций он, будучи не только военным, но и меценатом, обратился к ученым, которые могли бы принять участие в задуманной им экспедиции. Императорская Академия наук с соизволения императора Николая I командировала на Кавказ известных ученых Эмилия Ленца (1804-1865), Адольфа Купфера (1799-1865), Карла Мейера (1795-1855), Эдуарда Менетрие (1802-1861). Следует сказать, что среди участников экспедиции был отправленный эрцгерцогом Иосифом де Беш, в задачи которого входило ознакомление с народом, который был предположительным родственником мадьяр [8, с. 370-372]. Важно отметить, что это была не первая экспедиция к Эльбрусу. Первая экспедиция была совершена академиками Иоганном Гюльденштедтом и Самуилом Гмелиным в 1769-1774 гг., но она была более узкой по своим научным задачам и заключалась только в изучении растительности, почв и животного мира [7, с. 565].

Тем не менее в научном мире Эльбрусская экспедиция получила широкую огласку. В «Бюллетене географических наук», который был представлен Парижской Академии наук в том же 1829 г., была сделана заметка «Наблюдения, проведенные на горе Эльбрус господином Купфером, и первое восхождение на вершину хребта Кавказа одним черкесом» [13, р. 121; 14, р. 122]. Судя по составу участников экспедиции, совершенно ясно, что она в научном отношении преследовала различные интересы. Помимо естественнонаучных (физика, химия, биология и геология) были и частные вопросы, которые предстояло решить. Так, венгр де Беш, который искал следы родственников «великих мадьяр», был рад встрече с их потомками и пытался убедить их в том, что в Венгрии сохранилась фамилия родоначальника карачаевцев. К его глубокому сожалению это встретило настороженную реакцию и значительно осложняло общение с местными жителями. Ситуацию смягчил генерал Эммануэль, запретив де Бешу вести подобные разговоры [15, S. 6-7].

Во время продвижения по Кавказу экспедицию в качестве проводников сопровождали местные жители. На кабардинских землях это были представители высших слоев кабардинцев с их военными отрядами. Так, Арслан-бек, которого Купфер описывает как князя семьи Джамбулат из Кабарды, выступил в сопровождении своих вассалов, общее количество которых составляло около четырех сотен. Купфер замечает, что Арслан-бек «был одет в короткий синий драповый сюртук с серебряными нашивками. При нем были сабля, пистолет, огромный кинжал. Ружье нес один из свиты. Его лошадь была низкорослой, но сильной и была хорошо сложена, а ее уздечка и седло были покрыты искусно изготовленными серебряными бляшками. Поприветствовав генерала, князь отправился в путь вместе с нами. Он сопровождал нас несколько дней, после чего вернулся к себе. После пересечения плато, простиравшегося на много верст, мы прибыли к цепи холмов, на левом берегу реки Малки. Чтобы добраться до реки, нужно было перейти гору» (здесь и далее перевод с французского Д. А. Бабоевой) [14, р. 17]. В дальнейшем присутствии кабардинского князя не было необходимости, т.к. далее начиналась территория Карачая. Здесь в качестве проводника мы в отчетах встречаем

некоего «черкеса Магомета Дудова», который был представителем одной из влиятельных карачаевских фамилий. Необходимо учитывать, что слово «черкес» в документах XIX века не носило четкой этнической принадлежности, т.к. этим этнонимом обозначались все горцы Северо-Западного Кавказа. Оказавшись на землях карачаевцев, члены экспедиции обратили внимание на недовольство горцев. Несмотря на то, что они ранее давали присягу на верность русскому императору, 8 июля 1829 г. карачаевцы с тревогой встретили отряд, когда русскому отряду было дано распоряжение разбить лагерь у ущелья реки Хасаут.

Их страх не был беспочвенным. К тому времени широко распространился слух, пишет Ленц, что русская императорская армия будет выдворять карачаевские семьи, и они спрятали своих жен, детей и скот [15, S. 6]. Генералу Эммануэлю пришлось успокоить их богатыми подарками, которые получили около десяти карачаевских эмисаров. Для Ленца карачаевцы были дикими людьми. Но при этом он отмечал их гордую осанку и вызывающий вид. «Получив подарки, они благодарили только небольшим кивком головы, хотя, по словам переводчика, они были довольны ими, то есть подарками, состоящими из сукна; при этом выражение их лиц не изменилось», – пишет Ленц [Ibidem, S. 7].

Встречу экспедиционного отряда описал в своих заметках и Купфер, который наблюдал, что карачаевцы были готовы сопротивляться: «...они просили помощи у соседей, укрепили свои деревни, закрыли проходы в горах камнями, чтобы эти камни покатались на нас, когда мы будем проходить там» [14, p. 17-18].

Для участников экспедиции путь был сложным. Они двигались медленно, часто останавливаясь для отдыха и делая соответствующие научные пометки в своих дневниках. Например, в переписке Ленца с подругой Анной мы читаем: «8 июля 1829... Погода, которая вот уже шесть дней мучила нас постоянным дождем, кажется, сегодня изменилась и позволила нам полностью подойти к нашей цели, к Эльбрусу, который находится примерно в пятнадцати верстах от нас. На Каменном мосту соединяются две реки Малка и Киш-Малка (малая Малка). В первый день нам удалось пройти только 10-15 верст, потому что дорога до Kinshal-горы утомительна. На второй мы сделали 30 верст и резко поднялись на гору, но потом вдруг резко спустились вниз. Я никогда не мог представить себе, что можно преодолеть такую гору. Наши лошади так же, как и пушки, скользили иногда до шести футов вниз по глинистой земле. Странно было видеть, как волы с двухколесными тележками (*арби*) спускаются вниз, лавируя зигзагами, как на море при неблагоприятном ветре. Наш лагерь был разбит на следующий день у реки Хассаут (Хасаут), потому что из этого пункта была предпринята экспедиция на гору, которая должна была содержать свинец, но я в ней не участвовал. Мы уже были на высоте 4500 футов. Местность становится все более дикой и изрезанной; солнце лишь к десяти часам освещает наш путь, и Хассаут с сильным шипением устремляется вниз по долине» [15, S. 6]. Продвигаясь вперед, они увидели крутую скалу, которую пришлось обходить вертикально. Во время подъема в гору проводник Магомед Дудов спросил Ленца, сможет ли он подняться на нее. Скала была такой гладкой, что Ленц удивился, как это вообще возможно – взобраться на нее, «туда даже кошка не сможет подняться!». В ответ Магомед сказал, что рискнет [Ibidem, S. 15].

Одна из остановок, которая описана в письме Ленца к своей невесте Анне от 26 июля 1829 г., была в лагере в ауле Хабис. Экспедиционный отряд находился на тот момент на высоте 15000 футов, оставалось еще пройти около 6000. Самочувствие Ленца оставляло желать лучшего, но его спутникам было еще хуже. Дальше подниматься без труда решались только местные «черкесы». Эммануэль, в свою очередь, предложил вознаграждение тому, кто первым достигнет вершины Эльбруса, – золотые часы и пятьсот рублей ассигнациями. «Черкесы» подготовили себя и других членов группы к восхождению на Эльбрус специальным способом, чтобы не обморозить лицо и защитить глаза от палящего солнца: они «извлекли из патронов в нагрудных кармашках порох и, растирая его и смачивая слюной, они получали мазь, которой стали натирать себе лица, особенно нос и места под глазами», – пишет Ленц [Ibidem, S. 12]. Несмотря на соответствующие меры предосторожности, ученые не смогли передвигаться без помощи местных «черкесов». После девятичасового восхождения стало понятно, что идти дальше невозможно, но и назад возвращаться тоже было непросто. Для Ленца цель все же была достигнута, т.к. ему удалось измерить высоту горы.

Проворливее и выносливее всех оказался «черкес» Кияр, который раньше всех взшел на Эльбрус. «Кияр... смог воспользоваться утренними заморозками, он пересек намного ранее нас границу вечных снегов; в то время как Ленц прибыл на свою последнюю остановку, Кияр уже возвращался с вершины, снег начал таять в 11 часов, он застал его еще твердым, до самой вершины, и только спускаясь он встретил те же трудности, что и мы. Бесстрашный охотник, он часто осматривал эту местность и лучше знал эти места; хотя он никогда не пытался достичь вершины, тем не менее он подымался на значительную высоту. Он вернулся в лагерь на час раньше нас, чтобы получить от генерала вознаграждение за смелость, но генерал ждал нашего возвращения, чтобы провести торжественную церемонию, разложив вознаграждение на столе» [14, p. 73].

В то время как Кияр заслуженно выиграл приз 100 рублей, второй и третий призы остались неразыгранными. Это было неожиданностью, т.к. еще с Бермамыта участники экспедиции делали ставки на Магомета Дудова, который показал себя хорошим скалолазом, но, к сожалению, не вынес трудности восхождения, потому что почувствовал себя плохо и лежал «как мертвый» [10, д. 1014, л. 36].

Совершив восхождение на Эльбрус, отряд двинулся назад к долине Кубани по той же дороге. По пути к тому месту, где они оставили оружие и большую часть багажа, отряд вышел на водопад Тузлук-Чапан, образованный маленькой речкой, впадающей в Малку. На берегу Кубани участники экспедиции перешли реку вброд. Здесь они увидели развалины старых церквей, которые говорили о некогда существовавшей здесь христианской цивилизации. Кроме того, здесь они увидели более поздние камни с «арабскими надписями» [14, p. 41].

Члены экспедиции планировали посетить многочисленные руины на противоположной стороне реки, но буйный характер реки Кубани этого не позволил, потому что через нее невозможно было переправиться.

Поэтому пришлось наблюдать другой берег издалека с помощью биноклей. Далее Купфер пишет о том, что развалины были в хорошем состоянии. В тот же день они посетили аул Каменный мост. Здесь во множестве росли яблони, бук, виноградная лоза. По его словам, скалы были покрыты зеленью. Неожиданно для них «долина Кубани сужается; мы шли какое-то время по узкой тропе. Вскоре горы расступаются и дают проход двум рекам: Мара и Теберда, которые падают в Кубань» [Ibidem, p. 42].

После «завершения обозрения верховьев Кубани отряд вернулся в Кисловодск и двинулся по военной линии, где Эммануэль как начальник Кавказской области инспектировал другие укрепления и планировал постройку новых. Уже через месяц Вторая Эльбрусская экспедиция вернулась в Горячеводск. Результатом экспедиции стали новые сведения по топографии Северо-Западного Кавказа, по геологии и ботанике региона» [5, с. 50-51].

Более чем тридцать лет спустя, в 1864 г. была организована следующая тридцатипятилетняя экспедиция на Кавказ под начальством русского исследователя-натуралиста и географа Густава Радде (1831-1903). Ее документы снова описывают приэльбрусские территории и их жителей. В 1865 г. Радде обследовал склоны Эльбруса на высоте 14300 футов. Путь его экспедиции пролегал через земли карачаевцев. Здесь их встретили местные жители доброжелательно. Их приютили в ауле Учкулан (7 августа 1865 г.). Рассказывая о карачаевцах, он пишет: «...карачаевцы живут в ближайшем соседстве с Эльбрусом. Они часто заговаривают свои стада вплоть до снеговых его полей. Из их среды вышел известный Киляр, который в 1829 году, во время экспедиции генерала Эмануэля с членами академии наук Ленцом, Купфером, К. А. Мейером и Менегрием, первый взшел на вершину Эльбруса» [9, с. 33]. Через два дня, а именно 9 августа, Радде отправился на северную сторону склона Эльбруса в сопровождении четверых карачаевцев [Там же, с. 34].

В последнее время фигура Киляра стала предметом ожесточенных споров между кабардинцами и карачаевцами в пабликах соцсетей и в роликах «YouTube», поскольку представители этих народов утверждают, что именно их соплеменник совершил восхождение на Эльбрус. Для того чтобы попытаться разрешить этот спор, нужно учесть уже указанные в статье описания экспедиции в архивных документах. Во-первых, часто употребляемое в этих документах слово «черкес» ни в коем случае не может рассматриваться как указание на представителя конкретной этнической группы, поскольку для того времени оно было собирательным названием для всех горцев Северо-Западного Кавказа. Во-вторых, если проследить маршрут продвижения самой экспедиции, становится совершенно ясным, что ее заключительный этап проходил по Карачаю, на что указывают хорошо известные карачаевские топонимы, зафиксированные в дневниках и переписке исследователей. В-третьих, что немаловажно, на достаточно продолжительном отрезке пути экспедицию сопровождал Магомет Дудов – представитель одной из самых влиятельных фамилий Карачая. А это значит, что, вероятнее всего, его спутники и подчиненные могли бы быть представителями местного населения, то есть карачаевцами.

Таким образом, суммируя приведенные в статье данные, можно сделать *вывод*, что вполне возможно, что Киляра следует считать по происхождению карачаевцем, а это значит, что один из первых покорителей Эльбруса был выходцем из Карачая.

Список источников

1. Бегеулов Р. М. Карачай в Кавказской войне XIX века. Аланский Эрмитаж. Черкесск: Издательский центр Карачаево-Черкесского ИКПМЗ, 2002. 178 с.
2. Гориславский И. А., Зюзин С. А., Хаширов А. В. Первовосхождение на Эльбрус. Лето 1829 года, зима 1934 года. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2007. 105 с.
3. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 260. Оп. 1.
4. Дроздов И. И. Эпизоды из Кавказской войны в Кубанской области. СПб.: Тип. В. А. Александрова, 1872. 94 с.
5. Колосовская Т. А. Из истории военно-разведывательного изучения Северного Кавказа (по материалам Эльбрусской экспедиции генерала Г. А. Емануэля 1829 г.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 1. С. 47-52.
6. Лапин В. В. Кавказская война // Кавказ и Россия. Прошлое и настоящее. История. Обычай. Религия: сборник. СПб.: Звезда, 2006. С. 3-52.
7. Потто В. А. Кавказская война: в 5-ти т. М.: Центрполиграф, 2006. Т. 5. Время Паскевича или бунт Чечни. 607 с.
8. Потто В. А. Кавказская война: в 5-ти т. Ставрополь: Кавказский край, 1994. Т. 5. 400 с.
9. Радде Г. И. Очерк II. Кавказский хребет (Большой Кавказ) // Живописная Россия. Отечество Наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении: в 19-ти т. / под ред. П. П. Семенова. СПб.: Издание товарищества «М. О. Вольф», 1883. Т. IX. С. 19-45.
10. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 846. Оп. 1.
11. Томкеев В. И. Кавказская линия под управлением генерала Емануэля // Кавказский сборник. Тифлис, 1898. Т. XIX. С. 120-218.
12. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики (ЦГА КБР). Ф. 16. Оп. 1.
13. Ascension du Mont Elbrouz par un Cherkesse contrefait et boiteux // Nouvelles Annales des Voyages et des Sciences Geographiques, Onzieme Annee (Octobre, Novembre, Decembre 1829). P.: Librairie de Gide Fils, 1829. Deuxieme Serie. T. XIV. P. 120-124.
14. Kupfer A. I. Voyage dans les environs du mont Elbrouz dans le caucase, entrepris par ordre de sa majesté l'Empereur en 1829: rapport fait à l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg. St.-Petersbourg: De l'imprimerie de l'Académie Impériale des Sciences, 1830. 126 p.
15. Lenz E. Die Ersteigung des Elbrus i. J. 1829: Briefe des weil. Mitgliedes der Kaiserl. Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg Emil Lenz, Mitstifters der Livonia Dorpati / einer G. S. F. S. C. zum fünfundsiebzigjährigen Jubiläum der Livonia überreicht von Hermann von Samson-Himmelstjerna, Liv. S. 1., 1897. 26 S.
16. Observations faites sur le Mont Elbrouz par M. Kupfer, et première ascension de la sommité de cette chaîne du Caucase par un Tcherkesse // Bulletin des Sciences Géographiques, etc. Economie Publique, Voyages. P., 1830. T. XXI. P. 497-501.

1829 Expedition to Mount Elbrus: Ethnic and Historical-Geographical Aspects

Zel'nitskaya (Shlarba) Ritsa Shotovna, Ph. D. in History
Russian Museum of Ethnography, Sankt-Petersburg
riza81@yandex.ru

The study aims to examine the ethnic and geographical aspects concerning the history of General Georgi Emmanuel's 1829 expedition to Mount Elbrus. The article examines the expedition's tasks and members, participation of the natives and describes the issues the travelers had to face. Basing on archival records and correspondence, the article reconstructs the route of this military and scientific expedition as well as clarifies the issue of the ethnicity of the first documented Elbrus summiteers. The study is novel in that it provides a detailed geographical analysis of the expedition's route. The author concludes that the main route of the expedition passed through the Karachay territory and that it were the Karachays who guided the expedition.

Key words and phrases: Karachay annexation; The Caucasian War; North Caucasus; the Circassians; 1829 expedition to Mount Elbrus; Georgi Emmanuel.

УДК 94(47).084.6

Дата поступления рукописи: 15.04.2020

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.5.6>

Целью исследования является изучение организации и проведения первых в истории советской школы переводных и выпускных испытаний. *Научная новизна* статьи заключается в том, что в ней впервые на основе не изученных ранее архивных материалов исследуется организация контроля знаний учащихся в рамках проводимой органами государственной власти в начале 1930-х годов реформы школьного образования. В работе анализируются законодательная база реформы, особенности её подготовки и проведения. *Полученные результаты* показали, что введение в учебную практику контрольных испытаний повысило качество учебного процесса в школах ЦЧО (Центрально-Чернозёмной области), а обобщение первого опыта их введения способствовало дальнейшему развитию позитивных тенденций в образовании.

Ключевые слова и фразы: реформа образования; переводные и выпускные испытания; педагогика; учебный процесс; средняя школа.

Злобин Андрей Николаевич, к. ист. н., доц.
Воронежский государственный университет инженерных технологий
dronns@yandex.ru

Опыт организации переводных и выпускных испытаний в школах Центрально-Чернозёмной области в 1932-33 учебном году

В начале 30-х годов XX века в советской системе образования наметился отход от старых принципов организации учебного процесса и методов преподавания. Основные положения реформы базировались на решениях ЦК ВКП(б) от 05.09.1931 г. «О начальной и средней школе» [15], от 25.08.1932 г. «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» [16]. В преподавании дисциплин отменялись «метод проектов» и «бригадный» метод, вводились классно-урочная система и твёрдое расписание занятий, кардинально в централизованном порядке менялись образовательные программы, делался акцент на обязательном политехническом характере средних школ, подвергался критике считавшийся ранее бесспорным тезис о грядущем «отмирании школы» и декларировалось повышение роли учителя в образовательном процессе, вводилась система проверки и оценки знаний учащихся [1, с. 19; 10, с. 17].

Одним из важнейших изменений в системе школьного образования было введение переводных и выпускных испытаний. Целями данной реформы были повышение качества школьного образования, улучшение и систематизация знаний учащихся, подготовка наиболее одарённых школьников к поступлению в ВУЗы и техникумы [13, с. 183].

Теоретической базой данного исследования являются работы учёных, изучавших процессы, происходившие в отечественном образовании в период индустриализации и культурной революции. В научной литературе советского периода вопросы организации выпускных испытаний затрагивались в контексте общих проблем и тенденций развития школьного образования, через призму реализации партийных образовательных программ. Стоит выделить работы таких авторов, как В. С. Плясовских [Там же], Т. П. Бибанов [2] и А. В. Кольцов [9]. Среди современных исследователей в рамках изучения становления и развития школьного образования проблемы повышения качества учебного процесса рассматривались А. М. Липчанским [10], Л. И. Анайкиной [1] и З. Г. Дайч [5]. В контексте проводимых органами государственной власти реформ образования проблемы организации выпускных и переводных испытаний затрагивал А. В. Новичков [11], В. А. Гордеев и А. А. Гордеев обращались к вопросам организации школьного образования в контексте